

И. В. СТАЛИН.

РЕЧИ 1920-х—1940-х гг.

Если ленинским выступлениям была во многом свойственна некая «хаотичность» приемов упрощения, то о речах Сталина этого сказать нельзя. Упрощения у него всегда глубоко обдуманы, порой даже искусственны, и нельзя не заметить настойчивой и постоянной шлифовки весьма простых оборотов, выражений, сравнений. Есть искушение увидеть в простоте политических речей Сталина отражение бедности его русского языка и присущего ему уровня общей культуры. Последнее отрицать нельзя, но даже обращение к сталинским письмам (за исключением, конечно, предназначенных для публикации многочисленных «ответов товарищам») ярче выявляет нарочитую стилистическую отделку его устной речи. Скрытый от многих прагматический, деловой и трезвый эпистолярный язык Сталина оказывается намного богаче по оттенкам, интонации, синтаксическим оборотам его публичного политического языка, хотя и является столь же лексически примитивным. Парадокс ораторского ремесла Сталина заключался, однако, в том, что его граничившее порой с маниакальностью стремление обеднить устный язык делало его выступления одним из наиболее мощных инструментов воздействия на слушателей. Суть этого парадокса четко выразил в своей превосходной, хотя порой и излишне раскованной и полемичной книге «Писатель Сталин» М. Вайскопф: «Несмотря на скудость и тавтологичность, слог Сталина наделен великолепной маневренностью и гибкостью, многократно повышающей значение каждого слова».³³⁷

Риторическая техника Сталина не раз была объектом внимания исследователей, но всегда дискуссионным оставался вопрос о том, импровизированными или заранее обдуманными являлись его ораторские приемы. Начиная с середины 1920-х годов Сталин выступал особенно часто и многословно, но для того,

³³⁷ Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001. С. 23.

чтобы рельефнее представить генезис его ораторской риторики, необходимо обратиться к его творчеству более ранних лет.

Публичным оратором на русской политической сцене он стал именно в 1917 г. Оратором он был не очень удачливым и заметно проигрывал таким своим соратникам, как Ленин, Троцкий, Луначарский, Зиновьев и Коллонтай. Его редкие выступления на партийных съездах и конференциях в 1907—1912-х гг. едва ли могли стать для него лабораторией выработки ораторских приемов. Среди их делегатов он обычно находился в тени. Там были свои корифеи, а Сталин не принадлежал тогда к числу вождей партии, чье положение неизбежно заставляло их быть в пекле политических схваток, оттачивать свое полемическое мастерство, быстро и ядовито реагировать на враждебные реплики. Сталину трудно было стать в те годы хорошим оратором еще и потому, что он должен был параллельно овладеть азами не только революционного, но и обычного нормативного русского языка. Добавим, что даже позднее его словарь был более беден, нежели словарь других «вождей». Плохим знанием русской лексики и грамматики вообще объясняли многие из оплошностей его русскоязычных ламентаций. Отрицать этого полностью нельзя. Читая речи Сталина, чувствуешь, что он явно не слышит интонацию и подтекст не родного для него языка. Он часто пользуется просторечиями и это внимание к вульгаризированному словарю отчасти может указывать на его недостаточное знакомство с русской литературой — и классической, и современной. М. Вайскопф в своем исследовании о «писателе Сталине» вообще считает, ссылаясь на лингвистов, что его русская речь скорее подчиняется нормам грузинской грамматики.

«Примиренческая» позиция Сталина и в партийных дразгах, и в принципиальных политических вопросах в 1917 г. не позволила ему в должной степени придать остроту, наступательность и казуистичность своей риторике, а более хорошей школы для воспитания оратора, чем полемика, все-таки найти было трудно. Для «примиренческого» языка бедность лексики естественна — но она была явным недостатком для языка борьбы с искусственными в идеологических тонкостях оппонентами, для полемических ходов, имевших цель сильнее уязвить соперника. Гражданская война 1918—1920-х гг. также была не лучшим временем для приобретения им ораторских навыков. Он обычно имел дело не с рабочими заводов, которых надо было убеждать (и долго учиться

это делать), а с чиновниками и солдатами, которым можно было приказывать. Он и действует не прямо, а нередко (как в случае в Ворошиловым, выступавшим в 1919 г. от имени «военной оппозиции») через подставных лиц, позволяя им формулировать разделявшиеся им взгляды. Он учился тогда не ораторскому ремеслу, а мастерству закулисных игр — немногословность здесь была важнее, чем красноречие. Его речи 1918 г. необычайно бедны и по содержанию и по стилистической отделке по сравнению с выступлениями более поздних лет, хотя и их зачастую трудно было назвать ораторскими шедеврами. Его выступления были редкими во время дискуссии с оппозиционной группой «левых коммунистов» в 1918 г. и «рабочей оппозиции» в 1921 г. Собственно, первую серьезную заявку на то, чтобы быть одним из ведущих ораторов партии, Сталин сделал в 1923 г., во время агонии Ленина. В это время он стал реально претендовать на роль одного из руководителей партии, а ораторское мастерство числилось среди обязательных атрибутов вождя. Надо было заявить о себе как о лидере, а здесь не обойтись одной лишь передовой статьей с ее поблекшими от частого употребления клише. Его лекции об основах ленинизма и речи о Ленине в 1924 г. содержали ряд приемов, которые не были столь отчетливо выявлены в предыдущие годы. Первый из них — это системность и директивность речей. Последние определялись многоплановым характером ленинской ортодоксии (включавшей экономические, политические, идеологические и даже философские вопросы), изложением которой Сталин утверждал свою роль теоретика партии.

Системность отчетливо влияет на стиль выступлений, придавая им торжественный и величавый ритм и сокращая число полемических упражнений. Истина постулируется безапелляционно. Отчасти это диктовалось особым положением Сталина в партийном руководстве в середине 1920-х годов. Его труды постепенно приобретали сакральность и, следовательно, директивность и потому обязаны были быть далеки от фельетонности и журналистской развязности. Другая особенность развития ораторской техники Сталина — повышение эмоциональности его выступлений. Пафос и приподнятость сталинских речей в 1924 г. были во многом сформированы традицией эмоциональных откликов на смерть Ленина с присущей им фиксацией прежде всего «человеческих» характеристик покойного «вождя». Сентиментальные ноты проскальзывали в траурных выступле-

ниях почти всех соратников Ленина и ограничиться на этом фоне лишь сухой констатацией только его политических заслуг было бы очевидным проявлением черствости и безразличия. Для Сталина все эти близкие к выкрикам фразы о «горном орле», усиливавший воздействие на слушателя нескончаемый рефрен «товарищ Ленин завещал нам» станут хорошей школой обучения патетике, вполне сдержанной и скупой, но обладающей значительным эмоциональным потенциалом.

Сталин часто называл своим наставником Ленина, но существенные различия между их ораторскими приемами были очевидны. Сталинская риторика была менее импровизированной, и ее тропы представляли скорее окаменевшие каркасы, которые со временем порой отшлифовывались до лоска, но не меняли своих контуров. Сталин даже не пытался подстроить свою речь под простонародный язык, чем, например, занимался Ленин в своем малоудачном стилистическом эксперименте — брошюре «К деревенской бедноте». У Сталина таких экспериментов нет, да, пожалуй, они были бы для него трудны, учитывая уровень его общей (не только речевой) культуры. Стилизация — это артистическое действие, а откуда раскованные словесные клоунады могли возникнуть у того, кому на первых порах было присуще старательное, крайне осторожное заучивание прописей примитивного словаря.

В выступлениях Ленина есть одна особенность, к которой стоит присмотреться внимательней. В его хлестких, презрительных, нередко доходящих до цинизма разоблачениях мифов «буржуазного общества» происходит замена одних мифов другими, более претендующими на «научность», но основанных на упрощенно систематизированной и потерявшей диалектическую гибкость марксистской мысли, догматизм которой удивил бы и Маркса. Ленин иногда верно и точно подмечал шаткость тех или иных идеологических конструкций. Яростно срывая «все и всяческие маски» (его собственное выражение из статьи о Толстом), он, однако, водворял на место сорванной маски другую маску. «Деконструкция» чужой лжи, как ни парадоксально, проходила для него бесследно, хотя ее инструментарием он владел превосходно. У Сталина нет и этой, хотя и часто грубой, ленинской полемичности.

Даже в жестких нападках его на оппозицию редко звучит ядовитая насмешка. И здесь, где уместнее всего было бы встре-

тить всплеск эмоций, многое отмечено холодной монументальностью и какой-то нарочитой торжественностью изрекаемых сентенций. Возникает ощущение, что на поприще оратора он идет словно на ощупь, опасаясь лишней раз употребить «неправильное», хотя и удачное выражение. Его речь порой излишне бедна и банальна, — но она нормативна, а это надежнее, и есть уверенность в том, что не споткнешься в ораторских импровизациях и не станешь предметом насмешек оппозиции. У Ленина логика речей замутнена огромным количеством отклонений от основной темы выступления, мелкими деталями и слишком долгим перечислением аргументов, которые при ближайшем рассмотрении таковыми не являлись. У Сталина логика речей простая и незамысловатая, а его аргументы немногочисленны — в них слушатель точно не запутается. У Ленина в каждый из временных промежутков есть некая постоянная доминанта в интерпретационной цепочке. В 1918 г., например, он очень часто для оправдания Брестского договора указывал на Тильзитское соглашение и, призывая к компромиссам, нередко ссылаясь даже на собственный опыт (ограбление на дороге), правда, не признаваясь в том, что он являлся одним из участников инцидента. У Сталина доминанты были иными. Раз использованный им довод уточняется, отшлифовывается, но почти не меняется. Он, к тому же, нередко имеет универсальный характер. Его можно использовать и для оправдания индустриализации и коллективизации, и для объяснения репрессий, и для мотивации успехов Советской власти.

Отметим и приемы упрощения у Ленина и Сталина. Стремление Ленина к примитивности аргументов и интерпретаций событий было определено не только тем, что он хотел сделать свою мысль доступнее. Его часто занимало другое — он хотел лишить своих противников словесной «брони», обнажив их, разоблачить лживость их постулатов. Он, поэтому, сложные хитросплетения казуистических доводов переводит на другой язык — простой, прозрачный, не дающий возможность замаскировать корыстные замыслы употреблявших его людей. Это оказывалось для Ленина эффективным средством — упрощая, ему легче было полемизировать со своими оппонентами, высмеивать и утрировать их, искажая их позицию.

Сталинские приемы упрощения имели несколько иную природу. Легче всего было бы приписать их происхождение

ограниченности культурного и языкового кругозора Сталина, но это вызывает существенные оговорки. Сокращение сталинского словаря явно искусственное. Сталин, если оценивать хотя бы его конфиденциальные письма к соратникам, мог выражаться и ярче, и афористичнее, и менее монотонно. В его публичных речах этого нет — тем самым им придается должная монументальность. Не бойкая речь фельетониста, расцветивающего свои рассказы десятком прибауток и анекдотов, а тяжеловесные, торжественные изречения, в своей эпической простоте годные только для заучивания, а не для приглашения к дискуссиям — таково содержание сталинского языкового проекта, который осуществлялся с редкой последовательностью.

Не случайным является и время возникновения сталинского ораторского канона — 1930-е годы. Тогда не нужно было откликаться на выпады оппозиции и подробно цитировать ее высказывания — оппозиции не было. Тогда не было необходимости уснащать свою речь обилием доходчивых и убедительных примеров — никто бы не посмел публично усомниться в правоте вождя. Тогда требовалось заботиться о том, чтобы речи, ввиду положения их автора и его непререкаемого авторитета, служили основой для разветвленной системы идеологического воздействия на массы, ядром программ обучения в советско-партийных школах. Фельетонный стиль при этом был неуместен: не на анекдотах же воспитывать «нового человека».

Попробуем рассмотреть основные элементы сталинского ораторского канона. Нельзя сказать, чтобы речь Сталина была искусно построена, несмотря на его тяготение к предельной простоте и системности. Он мог отягощать свои выступления бесконечным перечислением различных цифр — достаточно, например, указать на его доклады на XVI и XVII съездах Всесоюзной коммунистической партии. Подчеркнем при этом, что приводились не только цифры, которые позволяли иллюстрировать успехи пятилеток. Это противоречило всем риторическим нормам, утомляло слушателей, нарушало целостность речи, не имело очевидных идеологических выигрышей — и все-таки данным приемом он пользовался с завидным постоянством. Недостатки этого «цифрового» фетишизма отчасти компенсируются скрытой энергией речи, созданной многочисленными повторами одних и тех же фраз, тезисов, постулатов.

Повторы часто связывали с катехизисной гимнастикой ума, усвоенной Сталиным еще в юности. Но манера Сталина не просто имитировала форму кратких вопросов и ответов. Она доводила этот прием до крайностей, аналоги которым подобрать весьма трудно. Речи Сталина нередко строились в виде ответов на вопросы. Вопросы при этом отличались особой простотой, лаконичностью и сжатостью, а ответы — исключительной краткостью при крайней скудости словаря. О бедности языковых средств Сталина мы говорили выше. Подчеркнем связанную с этим одну особенность его речей. Он очень редко использовал синонимы, а если это и происходило, то они перечислялись в связке с друг с другом, а не заменялись один другим. Его антонимы еще более бедны. Противоположные по смыслу слова обычно оформляются посредством приставки «не», например: агрессивные — неагрессивные; он, однако, не прибегает в этом случае к антониму «миролюбивые».

Примеры катехизисных конструкций можно обнаружить во многих речах Сталина, но ограничимся лишь одной из них — его речью на объединенном пленуме Центрального комитета и Центральной Контрольной комиссии ВКП(б) 7 января 1933 г. «Итоги первой пятилетки»,³³⁸ той самой, которую Анри Барбюс назвал литературным шедевром. Можно иронизировать по этому поводу, считая мнение Барбюса следствием его экзальтации и ангажированности, но нельзя не признать, что именно эта речь Сталина является энциклопедией его ораторской техники. Приведем один из примеров цепочки сталинских катехизисных упражнений: «Знала ли об этом партия и отдавала ли себе в этом отчет? Да, знала. И не только знала, но и заявляла об этом во всеуслышание. Партия знала, каким путем была построена тяжелая индустрия Англии, Германии, Америки. Она знала, что тяжелая индустрия была построена в этих странах либо при помощи крупных займов, либо путем ограбления других стран, либо же и тем, и другим путем одновременно».³³⁹ Здесь нет «равновесия» вопросов и ответов. Краткая формулировка вопроса, не имеющего оценочного характера, почти «нейтрального» и не уводящего в сторону многословными ответвлениями, здесь нужна для того, чтобы быстрее привлечь внимание к

³³⁸ *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Издание десятое. М., 1934. С. 478–512.

³³⁹ Там же. С. 487.

ответу содержательному, полновесному, четко расставляющему идеологические приоритеты и не допускающему сомнений. Вопрос не должен был быть громоздким, ему надлежало быть предельно ясным, для того чтобы последующие части катехизиса усваивались более целенаправленно, в соответствии с заданным вопросом алгоритмом. Для этой же цели требовалось прочнее удержать его в сознании слушателей, и, может быть, именно этим было вызвано усиление вопроса посредством повторений: «знала» и «отдавала себе отчет» — понятия в данном контексте равнозначные.

Теперь обратим внимание на то, как строится ответ. Сначала мы встречаем краткое утвердительное предложение. Затем оно повторяется, но имеет более развернутый вид. Оговорка «заявляла об этом во всеуслышание» должна была с особенной силой подтвердить то, что «партия знала». Этого аргумента (сформулированного безапелляционно и неконкретно) оказывается достаточно. Других попыток подтвердить правоту своего постулата Сталин не делает. Такой канвы он придерживается и в дальнейших вариациях на данную тему, расширяя еще и еще раз грани того, о чем «партия знала», но и намеком не говоря о том, как ей стало об этом известно. Лишние рассуждения и оправдания могли только ослабить концентрацию внимания слушателей: вместо того чтобы просто воспринимать эти доводы, не сомневаясь в их истинности, они запутались бы в витиеватых цепочках доказательств. Трудно сказать, насколько оратор обдуманно пользовался данным приемом, но отчетливо видно, что не то что путаницы, но и вообще какой-либо усложненности в постулатах, «дополняющих» ответ, он не допускал. Он мог, конечно, убрать эти повторы, нескончаемый рефрен клише — утверждений «партия знала», но он поступил по-другому. В его пропагандистских опытах, однако, слишком уж велика концентрация различных риторических техник, чтобы признать его приемы случайными и импровизированными. Примененная им схема построения речи такова: тезис — развитие тезиса, но не слишком подробное, чтобы не дать возможности утратить его смысл — внимание на каком-либо аспекте тезиса, но не слишком пристальное, чтобы не нарушить целостность его восприятия, — давала возможность лучше манипулировать сознанием слушателей.

Наиболее впечатляющими являются у Сталина повторы смысловых конструкций — при почти полном совпадении как

утвердительных, так и вопросительных предложений. В этом отношении его выступление на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. является поистине классическим: «Победила политика индустриализации страны. Ее результаты для всех теперь очевидны. Что можно возразить против этого факта?

Победила политика ликвидации кулачества и сплошной коллективизации. Ее результаты также очевидны для всех. Что можно возразить против этого факта?

Доказано на опыте нашей страны, что победа социализма в одной, отдельно взятой стране — вполне возможна. Что можно возразить против этого факта?».³⁴⁰

Следует привести и еще один пример — повторы в следующих абзацах речи: «Значит ли это, однако, что борьба кончена, и дальнейшее наступление социализма отпадает, как излишняя вещь? Нет, не значит.

Значит ли это, что у нас все обстоит в партии благополучно, никаких уклонов не будет в ней больше и — стало быть — можно теперь почивать на лаврах? Нет, не значит».³⁴¹

Неизбежным следствием этой механики максимального сжатия лексических средств становится повторение даже не отдельных лексических конструкций, а целых предложений — как буквальное, так и смысловое. И здесь вновь обратимся к речи Сталина на XVII съезде ВКП(б): «После того, как дана правильная линия, после того, как дано правильное решение вопроса [то же самое, что «правильная линия». — С. Я.], успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, от правильного подбора людей, от проверки исполнения решений руководящих органов [в сущности то же самое, что «организационная работа». — С. Я.]. Без этого правильная линия и правильные решения [то же самое, что «правильная линия». — С. Я.] рискуют потерпеть серьезный ущерб. Более того: после того, как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все [ср. с первым предложением: «После того, как дана правильная линия... успех дела зависит от организационной работы». — С. Я.], в том числе и судьбу самой политической линии — ее выполнение или провал».³⁴²

³⁴⁰ Там же. С. 579.

³⁴¹ Там же.

³⁴² Там же. С. 589—590.

Этот прочный словесный рисунок, донельзя упрощенный, ничем не разорвать. Предельно абстрактные формулировки трудно оспорить именно потому, что их расплывчатость исключает самую возможность несхоластического спора (схоластический как раз был возможен, вопрос лишь в том, способны ли были его вести не очень образованные слушатели). Раз высказанная мысль при помощи перестановки слов и словосочетаний, энергичных и настойчивых их повторений вбивается как гвоздь в сознание людей. Многословие обычно мешает оратору. Многословие зрудита, отягощенного выбором различных тактических ходов и богатством вариантов ответа, который под напором неожиданно возникающих культурных, идеологических и политических ассоциаций путается сам и путает других, — это одно. Многословие Сталина особенное — *оно почти лишено слов*. Так легче говорить и самому оратору. Так легче слушать и тем, кто внимает ему.

Повторы в речах Сталина тесно связаны с применявшимся им четким, тезисным дроблением постулатов: «во-первых», «во-вторых» «в-третьих». В ряде случаев эта специфическая цифровая пунктуация отсутствует, но членение текста выделяется композиционно и интонационно посредством использования одинаковых вводных слов в абзацах, следующих один за другим, например: «основная задача пятилетки состояла в том, чтобы превратить СССР... в страну индустриальную», «основная задача пятилетки состояла в том, чтобы... вытеснить до конца капиталистические элементы», «основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом», «основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перенести мелкое и раздробленное сельское хозяйство на рельсы крупного коллективного хозяйства».³⁴³ При этом разные тезисы могут оказаться близкими по содержанию, либо просто детализировать предыдущий тезис — но этим и достигалось нужное оратору усиление акцента на каком-либо из декларируемых постулатов. Происходит своеобразная схематизация мысли через схематизацию аргументов и частных примеров, подтверждающих правоту главного вывода, через схематизацию причин и последствий. В этой расчленяющей все и вся схеме и оказывается единственно уместной краткость предложения. Чтобы усилить воздействие краткого вступления,

³⁴³ Там же. С. 485.

сосредоточить внимание слушателей на излагаемых далее постулатах. Сталин иногда просто повторяет одну и ту же мысль, придавая ей, правда, в каждом последующем предложении несколько иное оформление: «Перейдем к вопросу о пятилетнем плане по существу. Что такое пятилетний план? В чем состояла задача пятилетнего плана?»³⁴⁴

Изучая порядок построения сталинской речи, замечаешь одну особенность. Сначала Сталин высказывает свою мысль, употребляя длинное предложение. Затем в других, соседних предложениях он чуть подробнее ее разъясняет и детализирует, и вот эти-то предложения последовательно становятся все более короткими, концентрацией слов усиливая воздействие основной идеи оратора: «Поэтому единственное, что остается им делать, — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж».³⁴⁵ Достигнув своей цели, Сталин вновь использует длинное предложение — подобно опытному чтецу, который для поддержания внимания аудитории то говорит шепотом, то повышает голос.

Краткость предложений усиливается и тем, что почти в каждом из них содержатся те же слова и идиомы, которые имеются в предыдущем предложении. Сталин лишь изредка переставляет их, чередует, но в целом набор их крайне беден: «Ленинцы опираются на бедноту, когда есть капиталистические элементы и есть беднота, которую эксплуатируют капиталисты. Но когда капиталистические элементы разгромлены, а беднота освобождена от эксплуатации, задача ленинцев состоит не в том, чтобы закрепить и сохранить бедность и бедноту, предпосылки существования которых... уничтожены, а в том, чтобы уничтожить бедность и поднять бедноту до зажиточной жизни».³⁴⁶ Ленинцы, капиталистические элементы, беднота, эксплуатация, уничтожение — это опорные, осевые слова в данных предложениях, варьируемых на разные лады. К каждому из них можно подобрать не один синоним, но их Сталин избегает педантично и, надо особо отметить, изобретательно. В этом движении к упрощению лексических средств нарушается даже нормативная стилисти-

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Там же. С. 507.

³⁴⁶ Там же. С. 586.

ка русского языка; Сталина, во всяком случае, не коробит словосочетание «зажиточная жизнь». Он редко меняет присущие ему устойчивые клише: «кризис и безработица», «пятилетка в четыре года», «хорошо поставленная проверка исполнения» — только так и не иначе. Синонимы у него чаще всего возникают только как средство усиления какого-либо утверждения. В этом случае они, как правило, соседствуют друг с другом: «пакостить и вредить», «путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов».³⁴⁷ Подобные слова («воровство и хищение») он делает основой одного из самых впечатляющих абзацев речи «Итоги первой пятилетки» — непревзойденного образца знаменитых опытов в жанре прозаических рондо: «Главное в “деятельности” этих людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности. Воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение железнодорожных грузов, воровство и хищение в складах и торговых предприятиях — особенно воровство и хищение в совхозах — такова основная форма “деятельности” этих бывших людей».³⁴⁸ Здесь, как видим, все построено на повторении как отдельных слов, так и целых смысловых конструкций.

Не раз обращалось внимание на то, что Сталин редко использовал литературные цитаты. Они к тому же часто выглядели как неумелые вкрапления, чуждые словесной ткани текста. Сама манера цитирования отчетливее всего выделяет его как эпигона социал-демократической публицистики. В его работах встречаются те же литературные образы, почерпнутые из русской классической литературы, обычно обличительные, которые типичны для социалистических пропагандистов. Они только представлены более грубо, без полемической изобретательности, гораздо более скупы и с характерными неточностями, словно он получил их из вторых или даже третьих рук. Саркастический язык, построенный на игре слов, неожиданных каламбурах и эффектных аллитерациях, ему чужд. У него нет языковой чуткости Троицкого, сочетавшего «волокиту» с «волисполкомом». Для выразительности ему проще употребить обычные ругательства, причем заметно, что он предпочитает из них не столько политические, сколько «житейские», бытовые, более понятные

³⁴⁷ Там же. С. 507, 580.

³⁴⁸ Там же. С. 507—508.

слушателям: «болтун», «трус». Стилистика языка — пожалуй, самое уязвимое место в выступлениях Сталина. Им присущи канцеляризм и просторечия, в них не раз используется косноязычная советская бюрократическая речь. М. Вайскопф испещряет буквально целые страницы своей книги анекдотическими образцами сталинского красноречия. Приведем ряд примеров, обратившись к «Итогам первой пятилетки»: «беднота прет вверх к зажиточной жизни», «перевести мелкое хозяйство на рельсы крупного хозяйства», «вытянуть основные звенья плана», «основное звено пятилетнего плана состояло в тяжелой промышленности», «имеем указания Ленина и на этот предмет», «в смысле производства электрической энергии», «бледнеют масштабы и размеры», «разбросавшись по лицу всего СССР», «сознание людей отстает от фактического их положения».³⁴⁹ Такой же стиль присущ его докладу на XVII съезде ВКП(б): «обезличка в работе», «куча задач», «телячий восторг», «подгонять работу к требованиям политической линии»,³⁵⁰ и, наконец, подлинный перл: «дальнейшее наступление социализма отпадает как излишняя вещь».³⁵¹ Последняя фраза является типичным для сталинской речи примером неточной метафоры — и таких примеров немало. Сталин знает наиболее употребительные обиходные выражения и расхожие и устойчивые политические клише. Но ему редко удается без натяжки так их сочетать, чтобы они стали естественной и необходимой частью метафор и сравнений. Едва ли Сталину требовалось особое усилие для того, чтобы нарочито вульгаризировать свой язык. Не удастся так точно пародировать советский словарь, с присущим ему смешением разговорной речи и бюрократических штампов тому, кто сам не живет в стихии этого языка, кто не говорит на нем и не мыслит его категориями. Сталину подделываться не надо: на таком языке он говорит всегда и везде. Этот язык для него естествен, и он не пытается его выправить даже тогда, когда это стало бы выигрышным ходом, поскольку его лингвистические импровизации были предметом насмешек оппозиции. К слову сказать, позднее эта привычка к употреблению вульгаризмов чуть не сыграла со Сталиным злую шутку. Готовя к печати в 1945 г. свою знаменитую речь о русском народе, он в числе его достоинств отметил и

³⁴⁹ Там же. С. 485, 486, 487, 489, 490, 507, 508.

³⁵⁰ Там же. С. 591, 595.

³⁵¹ Там же. С. 597.

«крепкую спину» — правда, затем исключив эту сомнительную характеристику из окончательной редакции текста.³⁵²

Нельзя не отметить своеобразную системность и «равновесие» различных ораторских приемов Сталина. Простота риторики его речи вполне гармонировала с простотой и незамысловатостью оформленных ею положений, которые подкреплялись простыми, очевидными, внешне логичными и апеллирующими к здравому смыслу аргументами. Чем меньше аргументов, тем лучше — они будут звучать четче и в них не запутается слушатель. Чем очевиднее аргументы, тем быстрее сказывается эффект воздействия; чем проще аргументы, тем лучше они могут быть заучены. Можно спорить о том, так ли уж тщательно просчитывал Сталин последствия применяемой им ораторской техники, но несомненно, что сама эта техника шлифовалась им последовательно и целенаправленно. М. Вайскопф заметил, что «с годами, по мере укрепления его власти, сопряженной с все более капитальным погружением в русскую языковую среду, идиолект Сталина не расширяется, а неуклонно беднеет».³⁵³ Как ни парадоксально, но именно обеднение словаря Сталина придало его речам монументальность и торжественность, сделало их не тем, над чем стоило размышлять, а тем, что не подлежит сомнению.

Укрепляя свою диктатуру и избавляясь от соперников, становясь не одним из многих, а единственным, Сталин неизбежно должен был менять и стилистику своих речей. Они приобретали директивный характер, а язык директив не мог быть цветистым, многословным, призывающим к соисканию истины, вопрошающим, плюралистичным и толерантным. Он обязан был быть кратким, четким, ясным, не терпящим двусмысленностей, безапелляционным. Такова природа метаморфоз сталинского языка — от спокойной, уравновешенной манеры его ранней книги «Марксизм и национальный вопрос», близкой к обычной социал-демократической публицистике, и блеклой, умеренной риторике статей 1917–1918 гг. до языка «тоталитарного», исключительного по простоте и прозрачности, догматического и не допускающего никаких сомнений и прекословий, хорошо приспособленного для заучивания и скандирования вследствие его «лозунговой» лексики.

³⁵² Неvejeин В. А. Застольные речи Сталина. М.—СПб., 2003. С. 470.

³⁵³ Вайскопф М. Писатель Сталин. С. 35.

Особого разговора заслуживают системы аргументации, призванные обеспечить обоснованность выдвигаемых Сталиным положений. Во-первых, они были внешне логичны, что облегчало их усваивание. Обнаружить их внутреннюю противоречивость и квазилогичность способен был только убежденный скептик, обладающий к тому же недюжинным кругозором и талантом «деконструктора». Таковых оставалось к этому времени немного, а массы довольствовались видимостью железной логики сталинских концептов. Во-вторых, Сталин стремился сделать свои тезисы доступными для понимания разных, в том числе и малограмотных людей. Он, наверное, мог бы предложить и более сложную и разветвленную мотивационную цепочку для доказательства своих постулатов, но он этого не делает и очевидно не случайно. Лишние аргументы только запутают слушателей — а провоцировать их на то, чтобы нарушить коллективный речитатив участников тысяч собраний, единогласно одобрявших решения партии, и дать им возможность сравнить разные точки зрения, вряд ли являлось целью Сталина. В-третьих, многие выдвигаемые Сталиным положения отличались своеобразной красочностью и образностью, что достигалось посредством поясняющих их житейских примеров и бытовых сценок. Примечательно, что Сталин охотнее пользуется именно таким материалом, а не образцами, почерпнутыми из классической и современной литературы.

Приводимые им примеры столь просты и очевидны, что с ними трудно не согласиться и лишь позднее, при внимательном их изучении можно догадаться о том, что при всех своих достоинствах они мало объясняют суть дела. Многие его постулаты так безупречно логичны, что их зачастую ничем не оспорить — разве что отметить поверхность этой чисто «внешней» логики. Вот образец такой логики в его докладе на XVIII съезде ВКП(б) (март 1939 г.): после расстрела «троцкистско-бухаринских извергов» за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных» голосовало больше избирателей, чем до него. Попробуйте опровергнуть этот факт. И не обращается внимание на то, при каких условиях происходит это голосование. И не говорится, для чего нужна cabina для тайного голосования, если в избирательном бюллетене имеется фамилия только одного депутата: для чего же заходить в эту кабинку, как не для того, чтобы у всех на виду ее вычеркнуть.

Необходимо особо остановиться на военных речах Сталина. Война, ставшая символом горя, страдания, испытанные в ходе боевых действий солдатами и мирным населением, голод, гибель близких, уничтожение беззащитных женщин, стариков и детей — все это, казалось, должно было придать сталинскому ораторскому канону особую эмоциональность. В нем, однако, почти ничего не меняется. Исключение, и пожалуй, самое яркое — его речь по радио 3 июля 1941 г. В самом начале ее сохранились обращения «братья и сестры» и «друзья мои» — так Сталин никогда не говорил ни ранее, ни позднее. Об источниках такого необычного обращения есть разные мнения. Наиболее популярное из объяснений — указание на то, что Сталин почерпнул эти фразы из пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных», постановку которой он много раз видел на сцене Московского художественного театра. Но даже и это эмоциональное обращение перемежалось с канцелярским «Товарищи! Граждане». Рискнув проявить некую сердечность, он не смог до конца выдержать усвоенного им тона. Не исключено, впрочем, что об эмоциональном воздействии этой речи Сталин заботился намного меньше, чем это принято считать. Одна из последующих речей Сталина, произнесенная им на параде Красной Армии в Москве 7 ноября 1941 г., несколько проливает свет на происхождение столь необычной фразы. В числе адресатов этой речи — «братья и сестры в тылу нашего врага». Вполне возможно, что Сталин испытывал трудности по поводу того, как именовать людей, оказавшихся на оккупированной территории. Назвать их по привычке колхозниками или рабочими, очевидно, было неловко: тем самым как бы признавалось, что они сотрудничают с врагом и продолжают заниматься тем же делом, что и раньше.

В целом речь 3 июня 1941 г., несмотря на ее эмоциональный зачин и программность, весьма близка к монументальным докладам 1930-х годов с их холодным пафосом, скудостью лексических средств и тривиальностью прямолинейной логики. В других речах Сталина, наиболее программными из которых являлись его выступления на торжественных заседаниях по поводу годовщин Октябрьской революции, патетичные ноты и вовсе приглушены. Очень мало и саркастических упражнений, которые бы естественно выглядели в тех фрагментах его выступлений, где обличаются идеология и практика врага. Как это ни парадок-

сально, но героические страницы войны, подвиги летчиков, моряков, пехотинцев, партизан в их конкретных деталях — все то, что посредством агитации стало мощным средством мобилизации страны для отпора немцам, — почти не получили отражения в речах Сталина. Говоря в них о победах, он быстро переходит к инвентарному перечислению военных операций и их итогов, никогда не останавливаясь на их отдельных ярких эпизодах и не называя имен тех, кто в них отличился. Более подробно он откликнулся на различные события войны только в приказах Верховного главнокомандующего. Здесь действительно приводятся сотни имен, но их список очень похож на канцелярскую опись. О конкретном вкладе в победу каждого из отмеченных в приказе воинов ничего не сказано. Сами эти приказы весьма кратки и в целом написаны по единому стандарту.

Специфическое «спокойствие» речей Сталина отчетливо выявляется на фоне советской военной публицистики. Сравнить по силе эмоционального накала работы ее корифеев — А. Толстого, О. Берггольц, Н. Тихонова, В. Вишневского — с выступлениями Сталина никак нельзя. Вместо крика — ровные, спокойные фразы, вместо ярких образов — стершиеся риторические штампы. Могут возразить, что речи Сталина — это не публицистика, а изложение позиции государственного деятеля. Примечательно, однако, что официальные заявления Советского правительства (в частности, по поводу истребления русских военнопленных, оказывались намного сильнее и взволнованнее, чем посвященные этому абзацы речей Сталина. Даже одна из последних речей Сталина периода Второй мировой войны — его знаменитое выступление на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г., где он сказал о вкладе русского народа в дело победы над врагом — стройность, ясность и афористичность получила только после весьма тщательной авторской правки.

Речи Сталина в послевоенное время были крайне редки и нельзя не отметить в них одну особенность. Начался разрушаться их прочный схематичный каркас и они чаще стали подходить к плохо контролируемый поток сознания. Отдельные блоки сталинских речей по-прежнему отличались примитивной логичностью, но переход от одного блока к другому в ряде случаев не выглядел обоснованным. Последняя из произнесенных Сталиным публичных речей — на XIX съезде КПСС в 1952 г. —

характерный образец деконструкции его ораторской техники. Он считал возможным коснуться лишь международных вопросов — и одно это выглядело несколько странным, учитывая, что на съезде главное внимание обращалось на внутривластные задачи. Но речь Сталина 1952 г. примечательна не только этим. Ее вообще отличает какая-то хаотичность — отдельные тезисы не развиваются и происходит торопливый переход к другим, знаменитое сталинское пунктуационное членение причин тех или иных событий («во-первых», «во-вторых») употребляется лишь один раз и тоже оборвано, причинно-следственные связи между различными частями речи не кажутся убедительными.

Отчетливо проявляется и то, что в различной мере давало о себе знать и предыдущие годы — идеологические импровизации, весьма далекие от марксистских канонов. Сталин порой позволял себе говорить то, что с ортодоксальной точки зрения могло быть оценено как откровенная ересь. Его реплика во время встречи с Риббентропом о том, что он знает, как германский народ хорошо относится к Гитлеру, может быть являлась такой недвусмысленной потому, что она не предназначалась широкой аудитории. Но его замечания в беседе с американским общественным деятелем в 1946 г. об одобрении политики правительства США американским народом были опубликованы в советских газетах. В речи на XIX съезде КПСС мы встречаем все те же неординарные идеологические пассажи о том, что буржуазия боролась за демократию, о том, что коммунисты должны продолжить ее дело, невзирая на отказ буржуазии защищать демократические права. Возможно, здесь сказалось и не очень пристальное внимание Сталина к оттенкам формулировок. Эти идеологические казусы, однако, становясь более частыми, в какой-то мере символизировали распад сталинской риторической системы, в которой форма и содержание были соединены особенно прочно. Анализируя речи Сталина, мы можем выявить три этапа его ораторской техники: 1) формирование оратора, происходящее параллельно с изучением им азов русского языка; 2) оформление ораторского канона, в котором происходит нарочитое обеднение присущего Сталину словаря для того, чтобы увеличить силу воздействия и придать директивность его речам; 3) медленный и не всегда последовательный распад ораторского канона, нарастание сумбура и хаотичности (и содержательной, и композиционной) его выступлений.